

А. Н. Фатенков¹

ОБ АВТОКРАТЕ И ЕГО ОППОНЕНТАХ: ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Современность — не модерн и не постмодерн, а их смесь в реалиях нынешнего дня. К теперешнему всегда приложимо — до определенной поры — немало характеристик с приставкой «пост-». Ее наличие грамматически символизирует переход от некоего былого, содержательного и значимого (неважно, с положительным или отрицательным знаком) к пока лишь становящемуся, не до конца проявленному, существующему только в тенденции, фрагментарно или даже симулятивно. Нынешнему обществу уже нет особого резона в весьма абстрактной метке «постиндустриализма», оно с очевидностью выказывает устоявшуюся, вполне конкретную — информационно-сервисную — технологическую доминанту. С ней так или иначе вынуждена соотноситься вся профессиональная среда, не исключая, увы, и область образования.

Большой удельный вес сферы услуг в функционировании общества ничего не говорит о ее подлинной социальной ценности. Учитель — учит, врач — лечит, услуги оказывают — «девочки по вызову». Трудно отделаться от ощущения нечистоплотности, назойливости, показушности и тотальной купли-продажи, когда соприкасаешься с институцией сервисов. Услуга, если за ней больше ничего нет, имеет исчерпывающий денежный эквивалент, каким бы числом он ни выражался. Ее оптимальный носитель — посредник, отчужденно снующий-пребывающий между ценностным содержанием передаваемого и соответствующей инстанцией-акцептором. Чистый посредник производит бессодержательную добавочную стоимость. Если ценностное содержание при переносе меняется,

то посредник превращается в подсобника (в случае результирующей прибыли) или пособника (в случае итоговой убыли). Даже при благожелательном взгляде на посредничество (который, признаться, неожиданно было обнаружить в тексте Режи Дебрэ — пусть и в прошлом, левака-гевариста), когда оно непременно предполагает преобразование-преображение передаваемого, посредник-медиум лишен личностных и вещных качеств. По сути, это перекресток в системе отношений, «это место и функция в диспозитиве переноса»². Подсобные работы (вернем пристрастно-критический тон и лексикон) имеют свой твердый, невысокий по обыкновению, тариф. При этом далеко не всегда они представляют собой действенную помощь, которая никак не укладывается в формат товарно-денежных отношений и сопряжена с даром, в свою очередь замешенном, по фундированной версии Жоржа Батая³, на жертвенности и жертвоприношении, отсылая нас к автократичной личности. Возможный испуг либерал-обывателя здесь преждевременен. Реальная помощь людям приходит именно от автократа — и чаще, чем реальная угроза.

Он тот, кто властвует над собой. Самостоятельность для него важнее признания окружающих. Ролью ассистента, а тем более посредника, автократ никогда не удовлетворится. Он не просит помощи от других и не навязывает им свою, помогая не абстрактно — конкретно, избирательно, точно. Он отчетливо осознает, что не в состоянии облагодетельствовать всех, одновременно будучи убежден, что в подобном тотальном благодеянии и нужды-то нет, более того, неразборчивость во вспоможении грозит масштабными бедами. Он соглашается с тем, что «Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо» (выделяя курсивом *в своем роде*) и, с подозрением относясь к любой разновидности мессианизма, отклоняет универсальную константу спасения.

¹ Профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Мощь пространства: французский замер», «Революция и экзистенция (этюды разного настроения)», «Человеческое существование в галерее превращенных и отчужденных форм», «Эффективность как ложный ориентир развития общества?», «Близ воплощенного ничто: Антонен Арто и его метафизическая доминанта» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества.

² Дебрэ Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М. : Практис, 2010. С. 203.

³ См.: Батай Ж. Границы полезного. Отрывки из незаконченного варианта «Проклятой части» / пер. с фр. И. Б. Иткина // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. С. 235–309.

Автократия неизбежно производит или воспроизводит иерархию (ранжирование, субординацию), хотя бы локальную. Обратное неверно: возможна анонимная иерархия — институтов, законов, инструментов. И вот в соприкосновении с ней надо быть настороже. Персонифицированная же субординация настороженность во многом снимает. О неустрашимости социального ранжирования в пику амбициям сетевых структур говорит даже не правого толка интеллектуал, уже цитировавшийся французский медиолог: «...*передать означает организовывать, а организовывать — волей-неволей создавать иерархию*. Чтобы связать людей между собой в горизонтальном измерении, необходимо драматически начать, разделяя их в измерении вертикальном»¹. В содержании тезиса проглядывает утвердительно-вопрошающая мысль классика исторического материализма: в процессе производства и обращения продуктов «*деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?*»²

Если автократ получает признание, он становится также авторитетом. Но не всякое признание свидетельствует об автократичной первооснове: оно может выказываться распушенной персоне и проистекать из слабости почитателей. Маниакального фюрера жаждают и превозносят надломленные, униженные, отчаявшиеся. Влечение — неполноценное — здесь обоюдное. Самодостаточного человека вождь и толпа одинаково чураются и завистливо ненавидят. Вольно или невольно распространяя власть над собой вовне, автократ обретает черты авторитарной личности. Та не является заведомо преступно-деспотичной; не ограничена ипостасью диктатора, brutального или в бархатных перчатках. Фридрих Георг Юнгер прав: «Именно среди жестких людей можно встретить по-настоящему добрых»³. В конце концов, пусть даже авторитарный человек вознамерен рассматривать часть или всех других не субъектами, а объектами, — согласно примитивной идеологии, никто не запрещает этим другим не соглашаться с незавидной ролью и сопротивляться навязываемой зависимости. Собственно, статус субъекта — актуально существующего — не априорен. Он утверждается и поддерживается волевыми усилиями природы. Безвольному надо пенять на себя, не на кого-то. Одновременно и хитроумному, привыкшему загребать жар чужими руками авторитаристу, скрытному и бесчестному, рядящемуся в одежды демократии, толерантности и плюрализма, — тоже надо дать окорот: его лицедейству грош цена.

Защиты достойна не всякая — лишь нелукавая авторитарность, и при условии, что она табуирует, обуздывает человеконенавистничество. Тотальная ненависть бесчеловечна, ненависть к отдельным и некоторым — не фатальна. Потому не исключено, что хуже беспросветной ненависти — штиль безразличия. Да, лучше хотя бы отрицательным образом выделять кого-то, нежели пребывать в равнодушии к окружающим.

¹ Дебрэ Р. Введение в медиологию. С. 27.

² Энгельс Ф. Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 303.

³ Юнгер Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность / пер. с нем. И. П. Стреловой. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 439.

Индифферентность напрочь вымарывает не только ненависть, но и любовь. А вот ненависти, пусть и зашкаливающей, с любовью не справиться никогда. Ненавидь хоть полчеловечества (неужели есть за что?), но любовь — к единственному из многих, пусть так — спасает жизнь и судьбу, отворачивает тебя от безнадёги. Ненависть не беззлобна, однако, как и ярость, способна возвыситься над злобой, стать благородной. Любовь, земную и человеческую, не остановит и благородство. Любовь милостива и к низости — увы. Но, к счастью или несчастью, превозмогает обе моральные крайности, превозмогает саму мораль с исходящей от нее данью внешним силам и обстоятельствам.

Уничжительная адорновская интерпретация авторитарного индивида как потенциального фашиста и актуального антисемита, как существа с максимально предвзятыми стереотипами⁴ — недобросовестна и эвристически слаба. Она не позволяет ни корректно структурировать недемократические воззрения и практики, ни надежно отличить авторитарный характер и строй от тоталитарного, ни отдать должное антифашисту-недемократу. Вряд ли вообще прилично мужчине, вне зависимости от его интеллектуальных способностей, сбежавшему от фашизма аж за океан, упрекать других людей в том, что они не боролись или недобороллись с «коричневой чумой» вокруг себя и в себе. Негоже и позицию «одинокого волка» однозначно генетически привязывать к похвальбе нацисткой верхушки и априори равнять с трюкачеством: дескать, никогда не следует верить тому, кто заявляет, что за ним никто не стоит. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в отсутствие дополнительной информации ситуация с «одиноким волком» — пятьдесят на пятьдесят. Смешно, наконец, мыслить себя радикальным антибуржуа и громить авторитаризм. Подобных деятелей раскусил в свое время Ф. Энгельс: антиавторитаристы «требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видели ли когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных»⁵. Резюме классика недвусмысленно: антиавторитарные «противники мира капитала» осознанно или неосознанно играют на руку реакции. И действительно, Т. Адорно выказывает стопроцентный оппортунизм, когда обвиняет одинокого борца в разжигании ненависти к монополизму, которая (только подумайте!) оказывается якобы «одним из средств ускорить победу тоталитаризма»⁶.

Заметка Ф. Энгельса помимо прочего вплотную приближает нас к прояснению сущности автократии. Философ, соотнося принципы авторитета и автономии, справедливо полагает их пропорцию вариативной на разных этапах общественного развития. Держа в уме очерченное подспорье, выстраиваем дефиницию: *автократия и есть подвижный оптимум*

⁴ См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001.

⁵ Энгельс Ф. Указ. соч. С. 305.

⁶ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. С. 315.

в многосложном пересечении автономности и авторитарности. Пределы автократии — от пропасти анархии до тупика диктатуры. Но между безнадежными, бесперспективными крайностями простирается богатое поле вертикально ориентированных экзистенциальных и социальных практик. Тут особо значимы

два момента: 1) власть над собой превыше власти над другими; 2) несоизмеримость, равенство, косная иерархия (индивидов, общностей, тел, вещей, смыслов) отвергаются в угоду иерархии подвижной, которая сегодня особо призвана разоблачать горизонтальные мифы сетей.